

— Эх, дороги, пыль да туман... — Лешка Сотников, для друзей просто Сотник, зычным басом заглушал рев мотора. — Холода, тревоги да степной бурь-я-я-ян!

Стас Морганский, для друзей просто Морган, пытался удержать джип на ухабистой и в самом деле пыльной проселочной дороге и лишь изредка поглядывал на вошедшего в раж товарища.

— Знать не можешь доли своей — может, крылья сложишь посреди степей...

Вот тут Морган был полностью согласен с Сотником: может, и не крылья, а колеса — за просто! И про долю тоже был согласен. Могли ли они с Сотником еще неделю назад предугадать, что у их скромной строительной фирмы появятся такие ошеломительные перспективы. Что, возможно, наступившее лето они проведут не в душном городе, а на вольной воле, у Христа за пазухой, как поэтично выразился романтик Сотник.

Тот знаменательный день Морган помнил в малейших деталях, тем более что и вспоминать было особо нечего. И в личной, и в про-

фессиональной жизни образовался мертвый штиль. Морган скучал в опустевшем по случаю грядущего уик-энда офисе и лениво размышлял, как бы получше распорядиться своей молодецкой удалью в ближайшие выходные, когда дверь кабинета с грохотом распахнулась. Он усмехнулся, лениво потянулся, прислушиваясь к подозрительному хрусту в позвоночнике. Только один человек вел себя в конторе так шумно, если не сказать буйно.

— Рота, подъем! — с порога рявкнул Сотник, в два шага преодолел разделявшее их пространство и рухнул в кресло.

Антикварное кожаное кресло, которое Морган, почитай, на собственном горбу пер с городской свалки, а потом своими собственными руками перетягивал, реставрировал, доводил до ума, возмущенно скрипнуло, но устояло под напором двадцатикилограммовой туши Сотника.

— Еще не ушел? — Сотник пригладил косматые, не поддающиеся окультуриванию вихры, с многообещающей многозначительностью посмотрел на Моргана.

— Почти, — Морган по-ковбойски закинул ноги на стол. Секретаршу Анну Илларионовну, истинную леди пятидесяти пяти лет, он отпустил домой еще час назад и теперь мог позволить себе вот такие маленькие вольности большого босса. — А ты что тут делаешь? Ты же вроде как собирался на рыбалку.

Сотник был заядлым рыболовом. Активному отдыху предпочитал многочасовое сидение

в камышах с удочкой наперевес. Он числился почетным членом самого известного в городе рыболовного клуба и однажды даже занял третье место в соревнованиях по подледному лову, о чем не упускал случая рассказать всем желающим. Новых подвигов в рыболовном списке Сотника не прибавлялось, а желающих с каждым разом становилось все меньше, поэтому Морган, как бизнес-компаньон и лучший друг, должен был выслушивать рассказ про «ту чумовую рыбалку» уже по десятому кругу.

— Собирался. — Сотник мечтательно улыбнулся, поскреб внушительное пузо. — И мы таки поедem этим летом на рыбалку, дорогой мой человек! Морган мой ненаглядный! Если повезет, все лето будем наслаждаться отличным клевом.

— Это без меня, дорогой мой человек! — замахал руками Морган и, воровато покосившись на дверь приемной, вытащил из ящика стола пачку сигарет.

Сигареты истинная леди Анна Илларионовна любила еще меньше, чем сидение в ковбойской позе, и Морган, который немного робел перед своей интеллигентной и рафинированной секретаршей, в офисе старался не курить. Он вообще старался курить по минимуму, лишь в исключительных случаях, но в глазах Сотника горел такой особенный огонь, что сразу становилось ясно — исключительный случай вот-вот наступит.

— Лето с удочкой в руках... — Он щелкнул

зажигалкой, с наслаждением затащился. — Это за что же мне такое наказание?

— Это не наказание, — Сотник потянулся за пачкой сигарет, антикварное кресло снова издало тоскливый стон. — Это заказ, Морган! Отличнейший, крупнейший заказ! Помнишь озеро? — спросил он, зажимая сигарету зубами, но так и не прикуривая. — Ну, то самое, на котором мы с тобой рыбачили прошлым летом.

Морган помнил. Озеро было большое, красивое, по форме напоминающее сильно вытянутый в длину эллипс. Кажется, Сотник говорил, что расстояние между самыми дальними берегами составляет восемь километров, а в самом узком месте озеро было метров пятьдесят шириной. Хорошая половина прибрежной озерной территории была занята коттеджным поселком, застроенным дачами разной степени давности и крутизны. Один из таких дачных домиков прошлым летом они сняли на целую неделю, чтобы Сотник смог насладиться рыбалкой, а Морган просто покататься и отдохнуть от городской суеты.

— Я помню, — Морган кивнул. — Так что там с заказом, дорогой мой человек?

— До чего ж ты меркантильный! — друг сокрушенно покачал головой. — Я тебе про рай на земле, а ты мне про заказ. Отличный заказ, — сказал он после драматичной паузы. — Дураками будем, если зубами, когтями не вцепимся в него. Фамилия Яриго тебе что-нибудь говорит?

Моргану даже думать не пришлось. Фами-

лию эту знал любой мало-мальски деловой человек, да и не деловой тоже, потому что носитель этой фамилии был персоной весьма известной. Влас Павлович Яриго — владелец заводов, газет, пароходов. Вернувшийся на родину эмигрант, чужак, отшельник и при этом акула бизнеса, каких еще поискать.

— Он потенциальный заказчик? — У Морган а ж между лопатками зачесалось от такой новости.

— Прикинь! — Сотник хлопнул ладонями по подлокотникам кресла. — Сам в шоке! Димку Савельева, надеюсь, не забыл?

Дмитрия Савельева, историка русской литературы, скромно именовавшего себя профессором русской словесности, Морган помнил отлично, ибо профессор всем своим видом опровергал представление обывателя о том, как должен выглядеть ученый муж. Во-первых, Дмитрий Савельев был молод, годков тридцати пяти от роду, не больше. Во-вторых, выглядел не то что чинно и строго, а вовсе даже неформально. На память тут же пришли драные джинсы, изрядно вытянутая и полинявшая футболка с эмблемой «Металлики», стянутые в хвост жидкие волосы и серьга в ухе. Не профессор, а пират! Или хиппи, на худой конец. И водку, помнится, профессор русской словесности употреблял с душой, со славянским размахом, а потом пел под гитару романсы вперемежку с балладами той самой горячо любимой им «Металлики».

— Дача у него на Левом берегу, — Сотник по-

кивал каким-то своим мыслям. — То бишь на барском берегу.

Про берега Морган тоже кое-что помнил. Из-за вытянутой формы озеро походило на реку и вроде как имело левый и правый берег. На левом, барском, находился коттеджный поселок, а правый был девственно чист, почти не осквернен людским присутствием. Кажется, где-то там, неподалеку от правого берега, имелась деревенька, и что-то там Сотник говорил про колхоз, который в далекие советские времена был миллионером, надеждой и опорой партии, но сам Морган на правом берегу никогда не бывал, поэтому представление о деревеньке и колхозе имел весьма смутное.

— Так вот, у Димки Савельева дача на Левом берегу. Досталась ему еще от папеньки, тоже профессора каких-то там наук, — вел свой неспешный рассказ Сотник. — Дачка неплохая, я тебе скажу, но староватая, построенная в начале девяностых, когда Левый берег еще только обживала всякая научная и творческая элита. Соседи у Димкиных родичей тоже все сплошь были профессора, академики, актеры больших и малых драматических театров. А пару лет назад началась движуха и великое переселение народов. Земля на Левом берегу взлетела в цене до заоблачных высот.

— А на Правом? — поинтересовался Морган.

— А на Правом все принадлежит колхозу и отчего-то не продается. Не вникал я, если честно, что там с Правым берегом, — отмахнулся Сотник. — Я сейчас о другом. Землю и дома

у научной элиты стала по-тихому скупать бизнес-элита.

— Яриго купил?

— Купил! Домик как раз рядом с Димкиной дачей. Купил, сразу же снес домик к чертям, отстроил новые хоромы в два этажа, а к Димке начал захаживать в гости, по-соседски, так сказать. Димка говорит, что мужик он неплохой. Не без своих тараканов, конечно, но кто сейчас без тараканов! Радеет наш Влас Палыч за отечество, Россию-матушку любит всем своим буржуйским сердцем, собирается возрождать сельское хозяйство на отдельно взятой территории.

— Колхозной? — уточнил Морган.

— Надо думать, — Сотник пожал плечами. — Но для нас, друг, не это важно. Для нас важно, что параллельно с возрождением Яриго собирается строить. Много и масштабно.

— Что конкретно? — Зуд между лопатками сделался совсем уж нестерпимым.

— Животноводческий комплекс, — Сотник принялся загибать пальцы, — свиноферму, коровник. Рядом заводик по переработке, пардон, коровьего дерьма в высококачественные и экологически чистые органические удобрения. О птицефабрике, кажется, тоже задумывается. Короче, масштабно мыслит мужик!

— И весь этот зверинец он планирует организовать на Левом берегу?

— Нет, ты что! — Сотник сделал страшные глаза. — В чистом поле, в паре километров от

деревни. Все по-европейски: надежно, экологично, качественно, дорого. Сечешь?

— Секу.

— Димку наш миллионер-русофил полюбил как родного. Советуется с ним в вопросах, касающихся благоустройства и окультуривания русской глубинки. И Димка, дружок дорогой, не растерялся, вспомнил, что есть у него товарищи, подвизавшиеся на строительстве.

— Мы с тобой, — Морган понимающе усмехнулся.

— Не безвозмездно, конечно, Димон про нас вспомнил. Сам понимаешь, одной лишь русской словесностью сыт не будешь и дачку на Левом берегу не прокормишь.

— Понимаю, — Морган кивнул, закурил вторую сигарету. — С этим разберемся. А насколько все серьезно у миллионера-русофила?

— Вот в следующую субботу и узнаем! Яриго приглашает нас с тобой в гости на предварительное, так сказать, собеседование, но Димка говорит, что контракт, считай, уже у нас в кармане.

— Ой ли? Как-то все подозрительно быстро и просто, — Морган глубоко затянулся, взъерошил волосы. — Ты же сам понимаешь, какие там деньжищи. А он бац — и отдает заказ первым встречным пацанам из далеко не самой раскрученной фирмы. Попахивает бесплатным сыром, дорогой мой человек...

— Ну, во-первых, мы не первые встречные, нас ему рекомендовали.

— Профессор русской словесности, кото-

рый выглядит как панк! — Морган приподнял брови.

— Ты еще не видел, как выглядит сам Яриго, — парировал Сотник. — Не одежда красит человека, а человек одежду. А во-вторых, наш будущий работодатель далеко не дурак. Уверен, он уже навел справки и разведал все наши грязные тайны.

— У нас нет грязных тайн.

— Вот именно! Мы чисты, как слеза младенца! А кроме того, молоды, энергичны и не станем ломаться, если он предложит не самую высокую цену. Послушай, Морган, если Яриго пригласил нас в гости, значит, какие-то колесики в его голове закрутились-защелкали. Мы ведь не откажемся? — Сотник прикурил наконец сигарету, пристально посмотрел на Моргана сквозь дымную кисею.

— Конечно, мы не откажемся! Попытка не пытка!

Попытка не пытка... И вот они уже скачут на джипе Моргана по сельским колдобинам, рискуя потерять колеса и подвеску. А все потому, что Сотнику захотелось посмотреть на Правый, пролетарский берег озера. Самому посмотреть, Моргану показать красоту и размах русской глубинки. На все его причитания и стоны Сотник открещивался:

— Мы же не ищем легких путей, дорогой мой человек. И опять же, кто-то должен провести разведку местности, присмотреться.

— У нас еще нет заказа. Зачем нам разведка местности? К чему присматриваться?..

Джип подпрыгнул на ухабе, Морган чертыхнулся.

— Нет, так будет, — Сотник невозмутимо улыбнулся. — Вон там впереди, за кустами, кажись, поворот. Там и будет Правый берег.

— Правый берег?..

— Здешняя деревня так называется. А ты не знал? Справа, значит, деревня, а левее, почти к самому озеру, спускается яблоневый сад. Димка говорил, что сад огромный, но одичавший. Через него идет грунтовка, по ней можно выехать к дачному поселку. Видишь? — он постучал пальцем по экрану навигатора. — Вот тут правый берег плавно переходит в левый. А вот этот домик на границе двух берегов — хатка местного головы. Умный мужик этот голова, правильное место жительства выбрал. Вроде бы и не с левыми, и не с правыми, но в то же время и те и другие под рукой и на глазах.

— А это что? — Морган скосил взгляд на никак не обозначенное на навигаторе скопление построек.

— А это...

Договорить Сотник не успел. Его голос заглушил рев мотора, а из придорожных кустов, как черт из табакерки, прямо под колеса джипа вылетел мотоциклист. От смертоубийства несчастного идиота спасли лишь реакция и водительский опыт Моргана. Джип повело на проселочной дороге, непристегнутого Сотника швырнуло на лобовое стекло, а виновник едва

не случившейся аварии даже не притормозил. Мотоцикл с издевательским ревом скрылся в клубах пыли.

— Вот падла! — Морган выровнял джип, втопил в пол педаль газа.

— Кто-то из местной золотой молодежи резвится, — Сотник потер ушибленный лоб. — Мотоцикл, кажется, «Ямаха». Не «Ява» тебе какая-нибудь пролетарская. Черт, больно... — Он с удивлением посмотрел на свои окровавленные пальцы. — Я из-за этого сучонка, кажется, себе бровь рассек. И хоть бы притормозил, поинтересовался, как тут простые смертные.

— Ничего, — Морган недобро усмехнулся. — Сейчас мы его догоним и спросим, какого черта!

— Правильное решение, хоть и нерациональное. — Сотник прижал ко лбу бумажную салфетку. — У сучонка небось папашка какой-нибудь олигарх или и того хуже — депутат.

— Плевать.

Морган бормотание друга уже почти не слышал, он выжимал из мотора все его лошадиные силы в твердом намерении догнать и наказать. Их с Сотником детство и юность прошли в далеко не самом благополучном районе, и отвечать ударом на удар они привыкли с малолетства. И неважно, кем окажется папаша этого дебиленьша!

Мотоцикл, а это и в самом деле оказалась ярко-красная «Ямаха», они почти настигли на въезде в деревню.

— Давай, Морган! Жми! — орал Сотник, поч-

ти на полкорпуса высунувшись из окна джипа. — Врешь — не уйдешь! — грозил он кулаком в обтянутую кожаной курткой спину мотоциклиста.

Не уйдет. Морган знал это наверняка. Куда «Ямахе» тягаться с внедорожником!

Деревня с незатейливым названием Правый берег на первый взгляд была немаленькой, состояла из нескольких параллельно идущих улиц, одним краем сползала к яблоневому саду, а другим уходила в чистое поле. Дряхлые деревянные избышки перемежались с добротными кирпичными домами, наверное, оставшимися со времен расцвета колхоза. Мимо пронесся обшитый сайдингом магазин с сидящими в теничке на завалинке местными аксакалами. Позади осталось одноэтажное кирпичное здание со стадионом и спортивной площадкой — сельская школа. Распугивая кур и греющихся на солнце собак, «Ямаха» вылетела на деревенскую площадь, выложенную потрескавшимися бетонными плитами, сделала резкий разворот у выкрашенного в уродливый фиолетовый цвет здания сельсовета, промчалась мимо памятника вождю мирового пролетариата и скрылась в одной из убегающих от площади улочек.

Морган выругался, почти не сбавляя скорости, развернул своего железного коня и, обдав вождя мирового пролетариата облаком пыли, устремился вслед за мотоциклистом. Охотничий инстинкт и азарт погони подсказывали: скоро все закончится.

— Тут поаккуратнее, старик, — бубнил ему на ухо Сотник. — Не придави кого ненароком.

Прислушиваясь к доводам разума и советам друга, Морган немного сбавил скорость, не без удовлетворения замечая, что мотоциклист тоже притормаживает.

Когда «Ямаха», а следом и джип, проскочив улочку насквозь, подлетели к стоящей на отшибе избушке, стало ясно — погоне пришел конец! Мотор мотоцикла рыкнул в последний раз и заглох у покосившегося, почерневшего от сырости забора. Мотоциклист лихо спрыгнул с седла, сдернул с плеч рюкзак. Морган глушить мотор не стал, вслед за разгоряченным погоней Сотником спрыгнул на поросшую травой дорогу.

— Эй, сучонок! — рыкнул Сотник, многозначительно потирая кулаки. — Куда так спешишь? А поговорить с двумя сердитыми дядями?..

Мотоциклист развернулся к ним всем корпусом и досадливо махнул рукой — отвалите, дяди! Столько нетерпения и раздражения было в этом его жесте, что Морган в бешенстве скрипнул зубами.

— Совсем золотая молодежь оборзела! — сказал Сотник почти ласково и так же ласково отшвырнул мотоциклиста от калитки. Этой ласки хватило, чтобы паршивец рухнул навзничь на землю. Если бы не шлем, то башкой приложился бы знатно, до сотрясения.

С той стороны забора звонко и зло залаяла собачонка, послышался дребезжащий старушечий голос:

– Жучка, ты чего это разошлась?..

– Вставай, засранец! – Сотник горой возвышался над поверженным врагом. – Разговоры разговаривать будем, правила дорожного движения повторять...

Договорить у него не вышло, мотоциклист, до этого неподвижный и беспомощный, ловкой подсечкой свалил Сотника на землю, с кошачьим проворством вскочил на ноги, метнулся к калитке. И успел бы, если бы Морган не поймал его за ворот куртки и легонько, для профилактики, не приложил шлемом об забор. От этих манипуляций парень как-то сразу обмяк, едва не повис на руке у Моргана. И в этой податливой мягкости, а еще в подозрительной гибкости и легковесности противника Моргану вдруг почудилось неладное, неправильное... Но проанализировать до конца эту мысль он не успел. С лязгом распахнулась калитка, под ноги ему, заливаясь лаем, выкатилась лохматая собачонка, а следом с воплями вылетела старушка с клюкой.

– Ироды! – Клюка взметнулась в воздух и, не увернись Морган, непременно попала бы ему по плечу. – Ироды! Бандюки! Ату их, Жучка! Ату!

С радостным лаем собачонка вцепилась в штанину Сотника. Судя по растерянному лицу друга, толстую джинсовую ткань не прокусила, но на ноге повисла мертвой бульдожьей хваткой.

– Я участковому уже позвонила! – бабулька продолжала воинственно размахивать клю-

кой. — По сотовику позвонила. Вот прямо сейчас. А ну, отойди! — она коршуном накинута на вконец растерявшегося Моргану. — Грабли свои уберу от нее! Я кому сказала?!

— От кого? — Морган попятился, волоча за собой мотоциклиста. — Бабуль, вы чего?

— Пусти, паразит такой! А вот я тебе сейчас! — старушка снова замахнулась клюкой.

В этот самый момент мотоциклист вдруг извернулся, выпадая из своей куртки, и обутой в кроссовку ногой больно врезал Моргану по голени.

— Ах ты... — он рванул следом, но между ним и мотоциклистом, как насадка, раскинув в стороны руки, встала бабулька. — Марьяна Васильевна, да что же это такое?! — затараторила она, не пойми к кому обращаясь. — Может, и в самом деле участковому позвонить? Или сразу председателю? Что это за лиходеи такие?..

— Варвара Марковна, не нужно никому звонить, — черный мотоциклетный шлем глушил голос, но все равно Моргану как-то сразу стало ясно, что там, за тонированным забралом, прячется вовсе не сучонок, а...

— Как там Алеша? — тонкие загорелые руки взметнулись к шлему, на левом запястье блеснул серебряный браслет.

— Твою ж дивизию... — ошалевший Сотник даже перестал дергать ногой с повисшей на ней собачонкой. — Морган, это же...

Теперь, когда мотоциклист сдернул шлем и небрежно, словно голову поверженного

врага, насадил его на штакетину забора рядом с перевернутым вверх дном глиняным кувшином, стало очевидно, что перед ними не мужчина, а женщина. А вернее, еще совсем молоденькая девчонка.

Каштановые волосы, стянутые на затылке в конский хвост, прилипшая ко лбу челка, россыпь веснушек на загорелом лице и глаза цвета гречишного меда. Эти глаза были бы, наверное, даже красивы, если бы не метали молнии.

— Баба... — выдохнул Сотник и дернул ногой. Собачонка рыкнула сквозь стиснутые челюсти, но хватку не ослабила. — То есть мадам, — добавил он растерянно. — Или мадемуазель...

— Дайте мой рюкзак! — велела девчонка, сверля Моргана по-учительски строгим взглядом.

— Что?

— Мои вещи у вас, — она кивнула на куртку и рюкзак, которые Морган продолжал держать в руках. — Быстрее!

Что-то было в ее голосе, что-то такое, отчего Морган подчинился, протянул ей рюкзак.

— Благодарю, — бросила девчонка и обернулась к старушке: — Пойдемте, Варвара Марковна. — Она подхватила старушку под локоток, увлекла в распахнутую калитку.

Косматая собачонка, разжав наконец челюсти, облаяла Сотника и тоже нырнула во двор.

— Что это было? — растерянно спросил Сотник.

— Сейчас выясним, — прорычал Морган.

Баба она там или мадам, или и вовсе мадемуазель, но оставлять случившееся без

внимания он был не намерен. Эта байкерша их подрезала, из-за нее они чуть не слетели в канаву, а потом повели себя совсем уж не по-джентльменски, потому что и подумать не могли, что под шлемом и кожаной курткой прячется мадам-мадемуазель. И вот теперь пусть она им объяснит, какая муха ее укусила и кто выдал ей права!

Дворик был маленький, чисто подметенный, с аккуратной поленницей березовых чурок, суетливыми курами и дремлющим на самом солнцепеке тощим котом. Распахнутую настежь входную дверь охраняла все та же собачонка. Сотник, не особо церемонясь, спихнул собачонку с крыльца и захлопнул дверь перед самым ее носом, отсекая обиженный лай.

В маленьких сенях было темно и прохладно, пахло чем-то незнакомым, деревенским. Морган толкнул следующую дверь, пересек небольшую комнату с печкой и застеленным клеенкой столом, переступил порог жилой комнаты. Тут тоже пахло чем-то сладковато-пряным, деревенским, но к этому запаху примешивался еще один резкий — спирта и каких-то лекарств, а из-за задернутой шторы доносились странные свистящие звуки, как будто кто-то из последних сил надувал воздушный шарик.

— Тише, Алеша, тише. Все, я почти закончила. Сейчас пройдет... — в этом нежном, мурлыкающем голосе он не сразу узнал голос их недавней знакомой. Что там у них такое?..

Рывком Морган отдернул занавеску.

Мальчик лет шести, не больше, полусидел

в кровати, со всех сторон обложенный подушками. Это он, маленький и худенький, издавал те странные звуки, дышал с натугой, до синевы в губах, до красных жилок в глазах. Девчонка стояла рядом с пустым шприцем в руке, с переброшенным через шею фонендоскопом. Она гладила мальчика по влажным от пота волосам, и от каждого ее прикосновения на его лицо возвращались краски. Бабулька стояла рядом, шептала что-то неразборчивое, Моргану показалось, что молитву.

— Вам что-то нужно? — спросила девчонка, не отрывая взгляда от мальчика.

— Нужно, — Морган кивнул.

— У Алеши бронхиальная астма. В последнее время приступы участились. Я договори-лась насчет госпитализации, но в больницу его положат только на следующей неделе. Я спешила... — В ее голосе не было даже намека на извинение, но, по крайней мере, она пыталась объяснить.

— Мы думали, вы пацан, — буркнул смущенно Сотник. — Ну, «Ямаха», прикид этот байкерский. Вы нас подрезали...

— Я торопилась. На объяснения не оставалось времени. — В голосе — вежливый лед, спина напряжена.

Она спешила...

А они такие звери...

— Как ваша голова? — поинтересовался Морган, памятуя о той силе, с которой приложил девчонку об забор.

— Спасибо, со мной все будет хорошо. А как

вы себя чувствуете? — Она наконец обернулась, но посмотрела не на Моргана, а на Сотника.

— Это? — Он коснулся рассеченной брови. — Ерунда! До свадьбы заживет.

— Рану нужно обработать. — Она потянулась к стоящему на табурете пузырьку. — Позвольте, я гляну.

Она сама подошла к Сотнику, привстала на цыпочки, нахмурилась, разглядывая рану. На ее симпатичном веснушчатом лице мелькнуло что-то вроде раскаяния.

— Я не думала, что так получится.

Смоченной в спирте ваткой девчонка коснулась лба Сотника. Он со свистом втянул в себя воздух, но от стога мужественно воздержался.

— Зашивать не нужно, и это хорошо. — Она снова промокнула рану и тут же строго добавила: — Если бы вы были пристегнуты, ничего такого не случилось бы.

— Ничего такого не случилось бы, если бы кое-кто не носился как угорелый, — не без ехидства сказал Морган.

Девчонка бросила на него быстрый взгляд.

— Я уже извинилась.

— Разве? — Он недоуменно приподнял брови.

— По крайней мере объяснила.

— Объяснения принимаются. — Он позволил себе снисходительную улыбку. — Но мигалка вашей «Ямахе» не повредила бы. Или красный крест наклейте на нее, на худой конец.

— Больно умные, как я погляжу, — вмешалась в их разговор молчавшая до этого бабулька. —

Много вы понимаете, как оно нужно! Небось эти, с Левого берега! — она презрительно поморщилась.

— Не с Левого берега, бабуля, не переживай! — усмехнулся Сотник, осторожно ощупывая наклеенный на лоб пластырь. — Мы так... заезжие.

— Оно и видно, что заезжие. — Старушка поправила одну из подушек, с тревогой посмотрела на притихшего, но дышащего относительно нормально мальчика. — Свои бы на Марьяну Васильевну с кулаками не кидались. — В ее скрипучем голосе послышался укор.

— Так откуда ж нам было знать, что она Марьяна Васильевна?! — Сотник развел руками. — На ней же имя-отчество не написаны, а гоняет она по-пацански. Если хотите знать, — он хитро посмотрел на девочку, которая обрела наконец не только имя, но и отчество, — если хотите знать, мы подумали, что это как раз вы с Левого берега.

— Я с Левого берега?! — в глазах Марьяны Васильевны появились лукавые искры. Искры эти расцветили ее и без того симпатичное лицо, сделав его совсем уж прекрасным. — Вы видели, какие тут дороги? — спросила она вдруг.

— Да уж...

— Вот! Дороги никакие, деревня большая. Это если не считать отдаленных хуторов. До самого дальнего километров тридцать. Как бы я, по-вашему, везде успевала?

— А вы медсестра, да? — Сотник тоже увидел

эти искры, приосанился, расправил могучие плечи.

— Я врач, — сказала Марьяна Васильевна с едва заметной гордостью в голосе. — Сельский врач, — уточнила зачем-то.

На врача она не тянула ни возрастом, ни своей неформальной экипировкой. Что это за врач такой — в джинсах и футболке, да еще и верхом на «Ямахе»!

— А машина, что же, вам не положена? — вежливо поинтересовался Сотник.

— Машина... — опередила Марьяну Васильевну бабулька. — Видел бы ты ту машину, мил-человек! Она же старше меня!

Морган усмехнулся. Во-первых, из-за того, что из иродов и бандитов их переквалифицировали в мил-человеков, а во-вторых, из-за того, что представил себе машину старше этой боевой бабульки.

— Может, кваску березового? А, ребятки? — старушка обвела их внимательным взглядом. — Жарища вон какая на дворе!

— А спасибо, бабушка! Я не откажусь, — Сотник расплылся в улыбке. — Вы уж нас извините. — Он бросил быстрый взгляд на докторшу, так, что не поймешь сразу, у кого конкретно он просит прощения.

— Я, пожалуй, тоже выпью, — Морган подмигнул порозовевшему и явно повеселевшему мальчишке.

— Вам не советую, — сказала вдруг Марьяна Васильевна без тени улыбки.

— Это еще почему?

— Квас у Варвары Марковны очень вкусный, но с градусами. А вы, как я успела заметить, за рулем и ратуете за строгое соблюдение Правил дорожного движения.

Вот ведь язва! Морган понимающе улыбнулся.

— Ну, тогда я, пожалуй, пойду. Всего хорошего! — он кивнул бабушке. — Сотник, я у машины, — добавил сухо.

После сумрачной прохлады дома солнечный день казался нестерпимо ярким, и пить захотелось вдруг очень сильно. Морган нацепил темные очки, присел на завалинку рядом с джипом. Облаявшая их давеча собачонка теперь с вполне мирным видом сидела в стороне, мела хвостом пыльную дорогу. Наверное, можно было попросить у хозяйки просто холодной воды, но возвращаться в дом не хотелось. Вдруг эта пигалица, Марьяна Васильевна, снова вздумает читать ему мораль. Напиться воды можно и по дороге. Хоть один колодец по пути да найдут.

Из калитки вышел Сотник, опасливо покопился на собачонку, подмигнул Моргану.

— А народ тут гостеприимный. — Он взмахнул зажатой в руке двухлитровой пластиковой бутылкой. В бутылке что-то булькало. Морган даже знал, что. — Вот Варвара Марковна с собой налила. Славная бабушка, хоть и строгая.

— Не строже здешних докторов, — хмыкнул Морган, забираясь в джип.

— Это она по молодости и горячности. — Сотник плюхнулся рядом.

— Бабулька?

— Врачиха. Тут же, наверное, скука смертная, вот девка и забавляется. — Он снова потрогал свой заклеенный пластырем лоб.

— Теперь куда? На Левый берег? — Морган завел мотор.

— Давай! Тут дорога к озеру есть, через старый яблоневый сад. Попробуем срезать.

— На деревню смотреть не будем?

— А что на нее смотреть? Все самое интересное мы уже видели.

— Пить хочу, — пожаловался Морган, аккуратно объезжая брошенный посреди дороги мотоцикл.

— Квасок знатный! — Сотник с иезуитской улыбкой похлопал по пластиковой бутылке. — Жаль, что тебе доктор не велел.

— Тоже еще доктор, — Морган пожал плечами. — Небось вчерашняя студентка, а гонору! Ну, через сад едем?

Он решил сменить тему разговора, про докторов ему было неинтересно.

— Давай попробуем. — Сотник забросил бутылку с квасом на заднее сиденье, пристегнулся.

* * *

Яблоневый сад казался огромным. Стоило лишь джипу въехать в сень старых, искореженных временем деревьев, как у Моргана возникло стойкое ощущение, что весь окружающий мир утонул, растворился в сплетении ветвей, в густой зелени листвы. Даже вездесущее, не-

стерпимо яркое солнце сюда почти не проникло, лишь изредка прорывалось робкими лучами, чтобы тут же раствориться в густой тени.

— Как в ельнике. — Морган снял солнцезащитные очки, зашвырнул в бардачок.

В бору молиться, в березняке веселиться, а в ельнике удавиться — вспомнилась вдруг не к месту дедова присказка. Здесь, в старом яблоневои саду, ощущение было вот именно как в ельнике в пасмурный осенний день. На сердце вдруг навалилась непонятная тоска.

— Да, невеселое местечко. — Похоже, даже неизменно жизнерадостный Сотник заразился вдруг необъяснимой меланхолией. — Вот, казалось бы, яблони — такие светлые деревья. Красотища же должна быть, а тут что же? Темень и декаданс.

— Так уж и декаданс, — усмехнулся Морган, аккуратно объезжая рытвину посреди поросшей травой грунтовой дороги. — Но сад странный, здесь вынужден с тобой согласиться. На месте здешнего головы я бы вырубил его под корень и засадил молодыми деревьями. Эти же и не плодоносят наверняка.

— Ну, не все такие рачительные, как ты, дорогой мой Морган. Кому-то упадничество милее нововведений. Кстати, ты, кажется, пить хотел? Вон смотри — колодец!

Колодец стоял в стороне от дороги под высокой, кряжистой яблоней. Здесь, в этом диком месте, он выглядел на удивление гармонично. Морган, жажда которого вдруг сдела-

лась нестерпимой, заглушил мотор, спрыгнул в высокую, едва ли не по пояс траву. Следом выбрался Сотник.

— Сюда бы косу, — сказал он, засовывая в рот сорванную травинку. — Нет, что ни говори, а хреновый тут хозяин. Земля простаивает, деревья умирают, трава вон пропадает некошенная. — Он хотел еще что-то сказать, но замолчал, прислушиваясь.

— Морган, слышишь?

Он слышал. Вплетаясь в стрекот цикад, до них доносился едва различимый перезвон колокольчика.

— Трава не пропадает, — сказал он. — Коров тут точно пасут.

Словно в подтверждение его догадки, откуда-то издали послышалось протяжное мычание.

— Есть жизнь на Марсе! — с непонятым удовлетворением констатировал Сотник. — Ну, пойдем, посмотрим, что тут у них с водой!

Колодец был старый, с вросшими в землю замшелыми каменными стенами. Высотой он доходил Моргану до пояса. Тут же, прямо на земле, посреди травы стояло обитое железными ободами ведро, прикованное цепью к вмурованному в колодезную стену кольцу.

— Очень предусмотрительно, — хмыкнул Сотник, переворачивая ведро кверху дном и вытряхивая из него сухие листья. — А это что такое?

Он поддел ногой убегающий от колодца

и теряющийся в густой траве проржавевший железный желоб.

— Похоже на поилку для скота, — предположил Морган.

Он присел на корточки, пошарил рукой в траве, пытаясь понять, соединен ли желоб с колодцем или наполнять его нужно с помощью ведра. Рука наткнулась на что-то острое, Морган чертыхнулся, выпрямился. Левую ладонь пересекала глубокая кровавая полоса.

— Как это ты так? — Сотник заглянул ему через плечо.

— Кажется, об край желоба. — Морган вытер окровавленную руку о траву.

— Лихо мы начали, — Сотник покачал головой. — Явимся к Яриго все покоцанные: один с башкой разбитой, другой с рукой порезанной. Красавцы! Ладно, давай промоем твои боевые раны.

Он склонился над колодцем, Морган стал рядом. Колодцы еще с детства, с тех самых времен, когда каждое лето он проводил в деревне у деда, вызывали в нем особенное, не поддающееся анализу чувство страха перед неведомой глубиной и жгучим желанием узнать, что же там, на дне, и есть ли оно вообще. Оттуда, еще с далекого детства, в нем жила иррациональная уверенность в том, что колодцы бездонны.

— Ау! Э-ге-ге! — заорал Сотник, перевешиваясь через край колодца.

— Осторожно! — здоровой рукой Морган схватил его за пояс джинсов. — Еще кувыр-

кнешься туда. Давай ведро и отойди от греха подальше.

— Кувыркнушь, так выловишь. — Сотник построил ведро на краю колодца. — Смотри, какой он широкий...

Колодец и в самом деле был широкий, метра два в диаметре. И вода, отливавшая черным, стояла высоко. Кажется, только руку протяни — зачерпнешь пригоршню. На зеркальной глади, как крошечные кораблики, плавали листья. Морган перебросил через левую руку цепь, столкнул ведро вниз. В недрах колодца гулко ухнуло, в образовавшемся после падения ведра водовороте беспомощно закружились листья-кораблики, один за другим исчезая в глубине. Следом за ними, звено за звеном, исчезала колодезная цепь, как будто ведро наполнялось не водой, а камнями.

— А чего это оно? — спросил Сотник, растерянно наблюдая, как змеится через край колодца ржавая цепь.

— А кто его знает. — Правой рукой Морган поймал цепь, остановив, казалось, бесконечное погружение.

— Какая же у него глубина? — Сотник поскреб пробивающуюся, несмотря на утренний марафет, щетину. — Смотри, какая длиннющая. — Он пнул ногой змеей свернувшуюся в траве цепь. — Вода ведь высоко, зачем же?..

— Может, уходит? — предположил Морган, здоровой рукой поудобнее перехватывая натянувшуюся цепь.

— Тут же озеро недалеко, значит, грунтовые

воды должны быть близко к поверхности. Это же тебе не Сахара. Давай-ка я тебе помогу, а то одной рукой несподручно.

В тот самый момент, когда Сотник снова склонился над колодцем, цепь сначала натянулась, а потом резко дернулась, словно там, внизу, кто-то поймал ведро. Поймал и не желал отпускать...

— Что за черт! — Морган ухватился за цепь обеими руками, ногами уперся в рыхлую землю, потянул на себя.

— Зацепилось, наверное, — отчего-то шепотом сказал Сотник.

— Похоже на то, — Морган всмотрелся в темную воду колодца.

На мгновение, всего на какую-то долю секунды, ему показалось, что оттуда, со дна, за ним наблюдают. И не просто наблюдают, а сторожат, как добычу...

Цепь, уже было успокоившаяся, вдруг снова дернулась, заскользила вниз, сдирая кожу с ладоней. Наверное, если бы не Сотник, вцепившийся Моргану в ремень, он полетел бы следом за ведром в эту вновь образовавшуюся воронку.

— Отпускай! — ворвался в уши хриплый бас Сотника. — Отпускай, к чертям собачьим, эту штуку!

Морган разжал онемевшие пальцы, склонился над колодцем, наблюдая, как убегает вниз перепачканная его кровью цепь.

— Что это было? — тылом руки Сотник вытер выступившую на лбу испарину.

— Ведро зацепилось...

У ног Моргана, словно живые, раскручивались кольца цепи. Раскручивались и исчезали в недрах колодца.

— Хрен тебе — зацепилось! — Сотник вытащил из кармана джинсов сигареты, прикурил. — Ведро кто-то тянул?

— Кто?! — Морган посмотрел на свою окровавленную ладонь. Кровь капала на землю, окрашивая красным траву.

— А и то верно! Кто бы ее там тянул! — Сотник с явным облегчением затянулся сигаретой. — Показалось.

— Показалось, — Морган согласно кивнул. Всему должно быть рациональное объяснение. А если объяснения нет, значит, ничего и не было. Показалось...

Из ступора их вывел странный звук, доносящийся то ли из-под земли, то ли из колодца. Не то вой, не то гул. Оба они были храбрыми малыми, но к колодцу подходили с опаской, словно ждали еще какого-нибудь подвоха.

— Ты смотри! — Сотник уперся руками в край колодца. — Это что еще за спецэффекты?

— Вода уходит...

Уровень воды в колодце и в самом деле неуклонно понижался, обнажая темные, склизкие стены. И этот звук... Теперь Морган понял, на что он похож. Как будто в огромной ванне выдернули пробку.

— А как такое может быть? — Сотник рас-

сеянно жевал тлеющую сигарету. — В техническом смысле я имею в виду.

— Может, там какой-то люк внизу, — сказал Морган первое, что пришло в голову. — Или рычаг. Точно, рычаг! Наверное, ведро за него зацепилось, и механизм пришел в движение.

— И это говорит человек с высшим техническим образованием! — Сотник покачал головой. — Морган, какие рычаги?! Какие люки?! Это же самый обыкновенный деревенский колодец!

— Хорошо, а куда, по-твоему, уходит сейчас вода? — Морган не обиделся. Ему просто было интересно, как же на самом деле устроен этот колодец.

— В озеро, — сказал Сотник почти уверенно. — Наверное, этот колодец — часть какой-то дренажной или поливочной системы. Может, там, под землей, идет труба к озеру. И где-нибудь уже на выходе имеется что-то вроде заглушки. Заглушка открывается — уровень воды в колодце понижается.

— В таком случае вода в колодце должна быть не артезианской, а озерной.

— Так, может, она и озерная. Мы же ее не пили.

— А зачем нужна такая глубина? — Морган снова склонился над колодцем, заглянул в его теперь уже почти пустое нутро.

— Эй, есть там кто живой?! — заорал Сотник. — Водяной, ау!

— Ау... — эхом донеслось из колодца.

Колодезная цепь снова дернулась, начала

медленно раскачиваться. Она раскачивалась, как маятник, а они с Сотником не могли оторвать взгляда от этого мерного, убаюкивающего движения.

Бом... Бом... Ведро глухо билось о каменные стены.

— Ау... — вторило ему эхо.

— А сейчас какие рычаги и заглушки? — спросил Морган, словно паутину, стряхивая навалившийся морок.

— А теперь сквозняк! — сказал Сотник и загасил о край колодца сигарету. — Или подводное течение, — добавил мрачно. — Поехали уже! Что нам тут... — Он сделал шаг от колодца и замер.

Было в этой его неподвижности, в удивленно, если не сказать испуганно, расширившихся зрачках что-то особенное, заставившее Моргана, стоявшего к нему вполборота, резко обернуться.

...Девочка стояла в нескольких метрах от них. Невысокая, худенькая, в линялом, давно не стиранном сарафане, с распущенными по плечам, спутанными волосами, босоногая. Босоногая! Вот почему они не услышали ее приближения.

— Черт! Напугала! — отмер Сотник. — Откуда ты такая взялась?

— Тсс... — она поднесла к губам указательный палец. — Тише, не будите ее.

— Кого?

— Ее. — Девчонка не смотрела больше на них. Она не отводила взгляда от колодца. При-

встала на цыпочки, вытянула худую шею, как будто хотела что-то увидеть, но боялась подойти ближе. Теперь, при более внимательном рассмотрении, стало ясно, что перед ними вовсе не девочка, а женщина лет сорока. По сеточке морщинок, по острым скулам и опущенным, с горестными складочками, уголкам губ. А взгляд... Взгляд у нее был плавающий, расфокусированный, как у наркоманки или душевнобольной. Деревенская дурочка — вот кто напугал их с Сотником едва ли не до дрожи в коленках.

— Как тебя зовут? — Морган сделал шаг ей навстречу, и женщина тут же испуганно попятилась. — Эй, не бойся, — он протянул руку, хотел успокоить, но добился противоположного эффекта.

— Ты... — дурочка обхватила себя за плечи, замотала головой. — У тебя кровь...

— Все нормально. — Он спрятал руку за спину, чтобы не травмировать ее и без того хрупкую психику. — Я просто поранился... о цепь... Так как тебя зовут? Ты не сказала.

— Ты ее разбудил, — дурочка продолжала пятиться, подол сарафана зацепился за торчащую из земли корягу, послышался треск рвущейся ткани. — Я надеялась, она больше не проснется, что ей хватило тогда... А ты пришел и все испортил. — Она сжала виски руками, тоненько, по-звериному, завывала.

— Дурдом какой-то, — сказал Морган вполголоса и бросил беспомощный взгляд на Сотника. — Они тут, похоже, все немного ку-ку.

— Так кого мы разбудили, уважаемая? — ласково поинтересовался Сотник. — Тут же нет никого. Видишь, какая благодать кругом: травка растет, птички поют.

— Вода ушла? — спросила дурочка совершенно нормальным голосом. — В колодце больше нет воды?

Она могла бы подойти и сама посмотреть, но не стала, настороженно стояла и ждала, когда они ответят.

— Там механизм какой-то в колодце? — вопросом на вопрос ответил Сотник. Как будто деревенская дурочка могла разбираться в механизмах. — Воду можно спустить в озеро?

— Значит, ушла. — Она поджала тонкие губы, крепко-крепко зажмурилась. — Нельзя было поить воду кровью, нельзя было ее будить. Она теперь голодная и злая... Теперь нужно снова колыбельную петь, чтобы она уснула. А я забыла... Я не помню ту колыбельную... Это плохо... Очень плохо...

Тут Морган был с ней полностью согласен: петь колыбельную колодезной воде, которая проснулась и голодная, — это очень плохо, это диагноз.

— Все понятно, — он старался говорить спокойно, чтобы еще больше не растревожить эту несчастную. — Но мы же не знали, не думали, что так получится.

За их спинами вдруг послышался мелодичный перезвон колокольчика, из-за дерева вышла черная корова с белым пятном в виде звездочки на лбу. Корова мазнула по ним с Сот-

ником равнодушным взглядом и неторопливо подошла к дурочке.

— Звездочка! — Она обхватила корову за шею, прижалась щекой к черной морде. — Видишь, как все плохо? Было хорошо, а стало совсем плохо.

— Ну, нам пора, — Сотник легонько толкнул Моргана в спину. — Мы поедем, хорошо?

— Далеко не уедете. — Дурочка не смотрела в их сторону, продолжала гладить свою корову. — Она вас теперь не отпустит.

— Ну, не отпустит так не отпустит! — поклади-сто согласился Сотник. — Как-нибудь разберемся, договоримся, если что.

— С ней нельзя договориться. Зря вы приехали, — дурочка вперила в них строгий, с укором, взгляд.

— Все, уважаемая, мы уезжаем! — Сотник взмахнул на прощание рукой, почти бегом бросился к джипу. — Морган, не тормози! — бросил он через плечо.

Но прежде чем последовать его примеру, Морган подошел к колодезю, склонился над зияющим, бог весть на какую глубину уходящим вниз провалом. Вода плескалась теперь где-то далеко внизу, и оттуда же, снизу, в его лицо дохнуло холодом и сыростью. Повинуясь какому-то непонятному порыву, он подергал за цепь. Цепь поддалась неожиданно легко, наверное, ведро и в самом деле за что-то зацепилось, а потом и вовсе оторвалось. И воды он так и не попил...

Вместо того чтобы усесться за руль и свалить наконец из этого чертова сада, Морган снова направился к колодцу. Медом ему там, что ли, намазано? Сотник в нетерпении надавил на клаксон. В ответ испуганно замычала буренка этой ненормальной. Морган обернулся, махнул рукой.

— Весело начались выходные! — Он уселся на водительское сиденье, взял протянутые Сотником бумажные салфетки, стер с руки кровь, обмотал рану найденным в недрах бардачка носовым платком. — Чувствую себя Алисой в Зазеркалье.

— Просто мы с тобой — дети каменных джунглей, а тут все иначе, ближе к истокам, так сказать. — Сотник открутил крышку с пластиковой бутылки, сделал жадный глоток.

— Мне дай, — попросил Морган, включая зажигание.

— Тебе докторша не велела, — усмехнулся он.

— Докторша мне не указ, пусть лечит своих аборигенов, а я пить хочу. С колодцем у нас не сложилось...

Да, с колодцем у них не сложилось. Колодцы в этой глуши с придурью, чужаков поить отказываются. Сотник протянул другу бутылку с квасом. Морган в несколько жадных глотков опустошил ее на треть.

— Славный квасок! — сказал он, нажимая на педаль газа. — И холодный еще.

— Да, натурпродукт. Только ты теперь не

лихачь. Ты теперь под градусом, — Сотник хлопал его по плечу.

Из сада выехали без приключений. Разве что однажды дорогу им перегородило стадо ленивых, неспешно обмахивающихся хвостами коров, да уже на подъезде к озеру повстречалась ватага дочерна загорелых ребятишек на великах. Здесь, на озере, все было по-другому. Здесь было светло и радостно, несмотря на жару, дышалось привольно, и Сотнику вдруг до зуда в ладонях захотелось на рыбалку.

Ничего, даст бог, заполучат они с Морганом заказ, и будет им счастье с рыбалкой, шашлыками и прочей дачной прелестью. О том, что и пахать им придется, как каторжным, он старался пока не думать. Впереди их ждало знакомство с Яриго и открывались вполне себе радужные бизнес-перспективы.

Ехать вдоль озера было одно удовольствие, дорога здесь была хоть и грунтовая, но хорошо укатанная. На берегу то тут, то там попадались отдыхающие, но не в том количестве, как это должно было быть в таком привольном для бездельников месте.

— Здесь налево, — велел Сотник, сверяясь с показаниями навигатора. — Вон, видишь домик под синей крышей? Это и есть хатка местного головы.

— Славная хатка, — хмыкнул Морган.

Хатка и в самом деле была славная. Двухэтажный дом стоял на самом берегу. Место было тихое, укромное, окруженное небольшим сосновым леском. На спускающемся к воде де-

ревянном причале стояло раскладное кресло, в котором, наверное, хорошо сживать с баночкой холодного пива, любуясь закатом. Сотник вздохнул.

— Когда я стану старым и богатым, — сказал он мечтательно, — непременно построю себе вот такую же хатку вот на таком же берегу. Чтобы проснулся, а перед глазами — озеро, спать ложился, а за окном — шорох волн. Чтобы причал собственный и обязательно банька. Что скажешь, Морган?

— Скучно, — друг пожал плечами. — Если уж копить бабки, так на домик у моря, чтобы все то же самое, но со вкусом соли.

— Нет в тебе романтики и верности родным местам, — покачал головой Сотник. — Где родился, там и пригодился. Сейчас за поворотом будет указатель, — сказал он без всякого перехода. — До дачного поселка остается чуть больше километра.

На Левый берег они въехали через каких-то несколько минут. Здесь, в противовес некультурному Правому, все было иначе. Грунтовка превратилась в качественную асфальтовую дорогу. Дома вокруг были сплошь большими и красивыми, прятались за аккуратными заборами. Улицы сплошь были Рябиновыми и Садовыми. И даже пахло на Левом берегу чем-то особенным, аристократическим.

— Нам на улицу Озерную. — Сотник сверился со своими записями, глянул на навигатор. С прошлого их визита дачный поселок изменился, разросся. Да и въехали они в него не

со стороны города, а со стороны деревни. Так что попробуй разберись, где тут дачка Яриго. — Сейчас налево, а потом все время прямо. Это, так сказать, первая линия, домики здесь самые крутые, с видом на озеро. Видишь вон ту башенку с флюгером? — он ткнул пальцем в лобовое стекло. — Это и есть теремок Яриго. Приехали, дорогой мой человек!

— Я уже и не чаял, — Морган саркастически хмыкнул. — В следующий раз поедем напрямую, безо всяких экскурсий и аттракционов.

— Как скажешь, — Сотник потянулся, хлопал себя по животу. — Что-то проголодался я из-за этих погонь и треволнений. Как думаешь, нам хоть бутербродов дадут? До ужина еще далеко.

— Скоро узнаем. — Морган остановил джип перед красивыми коваными воротами, посигналил.

Долгое время к воротам никто не подходил, и Сотник уже собирался искать запасные пути, когда на дорожке, идущей от утопающего в зелени дома, появился упитанный мужичок в испачканных землях штанах, панаме и резиновых перчатках.

— Бегу-бегу! — Мужичок приветственно махнул им рукой, принялся возиться с замком. — Вы уж извините, бога ради, молодые люди, музыка громко играла, а я что-то в последнее время стал туговат на ухо. Еле услышал. — Наконец он справился с замком, гостеприимно распахнул ворота. — Милости просим! Поезжайте сейчас прямо, там увидите стоянку

для машин, а я с воротами разберусь и приду. Система уж больно мудреная, с кодовым замком, — проворчал он, уже ни к кому не обращаясь. — В мое-то время и засова хватало.

Стоянку они нашли без проблем. Здесь под ярким солнцем уже дремали белоснежный «Бентли» и черный, нагло поблескивающий хромом «Майбах».

— А хорошая у Яриго конюшня! — Сотник огладил восхищенным взглядом бок «Майбаха». Лошадок выбирает правильных, даром что русофил.

Они выбирались из джипа, когда на площадку, задыхаясь от быстрой ходьбы, обмахиваясь панамой, подошел давешний дядька.

— Забыл представиться, молодые люди! Вениамин Петрович Борейша. Не скажу, что заядлый дачник, но истовый любитель здешних чудесных мест и с недавних пор сосед Власа Палыча по даче. Я тут поблизости проживаю. Решил, понимаете ли, что, вдохнув сей дивный воздух, моя коварная муза наконец ко мне вернется.

— Так вы писатель? — спросил Сотник, который, признаться, принял Вениамина Петровича за садовника.

— Литератор, — Борейша скромно улыбнулся. — Не из самых маститых, но из тех... широко известных в узких кругах. Я пишу детективы. А вы, наверное, приняли меня за садовника! — Он хитро улыбнулся, и его круглое, гладко выбритое лицо с маленькими глазками стало похоже на блин. — Понимаю. Имею одну,

но пламенную страсть, помимо книгописания, разумеется. Люблю розы! А у Власа Палыча розарий — просто мечта! У него есть «Комт де Шамбор».

— Звучит как название вина, — улыбнулся Морган.

— Это даже лучше, чем вино, юноша! Это портлендская роза. И таких роз тут десятки. Я просто не мог пройти мимо, не мог не участвовать. — Борейша посмотрел на свои перепачканные землей руки. — Не совсем бескорыстно, как вы понимаете, кое-какие экземпляры с позволения хозяина прикарманиваю. Конечно, не сезон, но, как говорится, охота пуще неволи. — Он вдруг замолчал, снизу вверх посмотрел на них с Морганом. — А вы, смею предположить, те самые молодые люди, которых Влас Палыч пригласил на выходные?

— Они самые, — Сотник, подивившись информированности литератора, протянул ему руку. — Алексей.

— Ах, простите! — Борейша сдернул с руки перчатку, ответил на рукопожатие.

— А я Станислав, — представился Морган. — Красиво тут.

— Это еще что! — писатель водрузил панаму обратно на лысеющую макушку. — Здесь красота рафинированная, выхолощенная. Вам бы побывать на Правом берегу. Вот там сила! Вот там настоящая мощь!

— А мы как раз с Правого берега. — Морган вежливо кивал в такт каждому сказанному писателем слову. — Провели разведку местности,

прокатились через деревню, взглянули на старый сад.

— Деревня ничем особенным не выделяется, — Борейша пожал плечами, — а вот сад — весьма занимательное место. Вы уже видели колодец?

— Имели счастье. — Морган украдкой глянул на свою забинтованную руку.

— Да что же я вас держу на этом солнцепеке! — всполошился вдруг Борейша. — Влас Палыч отлучился по делам в город, просил принять вас как родных, разместить, покормить.

Покормить! Сотник подмигнул Моргану. Значит, голодными им до вечера не ходить. Это уже хорошо. Покушать Сотник любил еще с малолетства. Оттого и наел сто двадцать кило живого веса. Но не жира — боже упаси! — а чистейших, закаленных в качалке мышц.

Вслед за без умолку болтающим литератором они вошли в дом, пересекли просторный холл, поднялись на второй этаж в комнату для гостей. Комната была большая, с отдельным санузлом и выходом на широкий балкон, по периметру опоясывающий весь дом.

— Ну, приводите себя в порядок, — Борейша посмотрел сначала на заклеенный лоб Сотника, потом на забинтованную руку Моргана, — а минут через двадцать спускайтесь вниз. Я отведу вас на кухню. Кстати, в ванной имеется аптечка со всем необходимым, — добавил он с многозначительной улыбкой.

— Это мы попали в небольшую аварию, —

счел нужным объяснить Сотник. — Ничего серьезного — легкие царапины.

— Эх, молодость! — сказал Борейша то ли с упреком, то ли с завистью. — Все-то вы спешите! Все-то торопитесь жить! Ну да ладно, не буду читать вам нотаций, не мое это дело. Жду вас в холле. — Он махнул рукой и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На то, чтобы умыться, обработать перекистью и забинтовать руку Моргана, у них ушло не больше десяти минут. А еще через десять они уже были в холле. За это время Борейша успел переодеться в рубашку с короткими рукавами, льняные брюки и легкие сандалии. Выглядел он теперь вполне презентабельно, если не сказать импозантно.

— Ну, идемте же! — Он в нетерпении потер руки. — Познакомлю вас с Валентиной, кудесницей, каких поискать. Кулички печет — пальчики оближешь. А холодец!.. — В гастрономическом экстазе он закатил глаза. — Вы непременно должны попробовать Валечкин холодец. С домашним хреном, скажу я вам, это песня!

Он толкнул тяжелую дверь, посторонился, пропуская их с Морганом в просторную, залитую солнечным светом кухню.

— Слышала я ваши дифирамбы, Вениамин Петрович, — стоявшая у плиты худенькая женщина лет пятидесяти весело улыбнулась. — Щедрь вы на похвалы.

— А как же вас не хвалить, Валечка! — Борейша прижал руку к сердцу, изобразил на

лице почти любовное томление. — Как же не хвалить, если вы богиня! Кулинарная муза! Вот привел к вам неофитов, — он кивнул на них с Морганом. — Уверен, отведав вашей стряпни, они тут же примкнут к когорте ваших поклонников.

— Мы уже примкнули. — Сотник вдохнул аромат жареного мяса, и в желудке его громко заурчало.

— Добрый день, ребята! — Валентина улыбнулась по-домашнему, светло и уютно. — Не стойте на пороге. Прошу к столу!

* * *

Борейша не соврал, когда нахваливал стряпню Валентины. Наелись они с Сотником так, что едва выползли из-за стола. В холостяцкой их жизни домашние обеды случались крайне редко, разве только во время нечастых визитов к родителям.

За обедом они узнали от Валентины, что на ужин приглашены еще пять гостей, все до единого милейшие и приятнейшие люди. Что накрыть стол хозяин распорядился во дворе, на лоне природы. Что будет все по-простому, по-домашнему, потому что ожидаются только свои. Это «только свои» Моргана особенно обнадежило. Было бы неплохо, чтобы и их Яриго записал в число «своих». Настораживало лишь одно: сам хозяин обещал быть только лишь к ужину, неотложные дела не отпускали его из города раньше. Когда же в таком случае

им удастся поговорить с Яриго о животрепещущем, о предстоящем сотрудничестве?

— Не переживай, Морган, такие люди, как Яриго, в первую очередь думают именно о деле и только потом о потехе. — Сотник растянулся на широкой кровати, зевнул. — Раз позвал нас, значит, все будет. Ты, главное, не форсируй события, расслабься, дорогой мой человек.

И они расслабились. После сытного обеда в кондиционированной прохладе гостевой комнаты захотелось отдаться в объятия Морфея. Сотник уснул первым, сунул сложенные лодочкой ладони под щеку и почти мгновенно отключился. Морган, прежде чем заснуть, немало повозился, устраиваясь поудобнее, но тоже незаметно соскользнул в сон.

...Скольжение это не было плавным, вниз, в непроглядную глубину, он спускался рывками, обвязанный грубой веревкой, напуганный до полусмерти. Раскинутые в стороны руки касались в темноте скользких и холодных стен, а ноги не касались ничего. Ноги беспомощно болтались в воздухе. И оттого, что тело не чувствовало опоры, становилось все страшнее. Наверное, поэтому он с таким отчаянием хватался за невидимые стены, обламывая ногти, в кровь сдирая кожу с ладоней, почти не чувствуя боли, мечтая лишь об одном — чтобы прекратилось наконец это скольжение в никуда. Он пытался кричать, но крик застревал в горле, превращаясь в придушенный хрип, а потом босых ступней коснулся обжигающий холод, и он закричал во весь голос...

— ... Морган! Морган, да проснись ты!

Кто-то тряс его за плечи, вышибая остатки пахнущего гнилью и сыростью кошмара. Он еще не проснулся окончательно, но уже был благодарен этому милосердному «кому-то», выдергивающему его из крошечной тьмы обратно к свету.

— Морган!

Увесистая затрещина окончательно привела его в чувство. Он рывком сел, замотал головой.

— Ты чего это орал как резаный? — рядом тяжело опустился Сотник. — Я спросонья чуть не помер от страха. Приснилось что?

— Приснилось, — Морган кивнул. — Ерунда какая-то. Даже не помню, что именно. — Он провел ладонью по влажному от пота лицу, растерянно посмотрел на пропитавшуюся кровью повязку. Наверное, рана открылась и закровила.

— Ох, сдастся мне, придется шить, — Сотник внимательно посмотрел на его руку. — Будет повод пообщаться с докторшей.

— Не хочу я с ней общаться. — Морган встал, направился в ванную.

Прохладный душ окончательно вернул его к жизни, смыл кровь и остатки кошмара. Что же ему снилось? Куда он спускался?

Морган насухо вытерся, наложил свежую повязку. Рана, вопреки опасениям Сотника, выглядела нормально. Ничего зашивать не нужно, все само собой рассосется. Сейчас нужно думать не об этой ерунде, а о предстоящей встрече с Яриго.

Вечер наступил неожиданно быстро. Когда они с Сотником вышли из дома, до ужина оставалось совсем ничего. Времени хватило лишь на то, чтобы обозреть окрестности до прихода остальных гостей. Но и обозреть окрестности им не дали. Стоило только выйти на крыльцо, как Сотника окликнули. Ребята синхронно обернулись на знакомый голос и так же синхронно улыбнулись.

Широко шагая и размахивая длинными, как плети, руками, к ним спешил Димка Савельев, профессор русской словесности. С прошлой их встречи в профессоре мало что изменилось. Разве что растянутую футболку он сменил на расшитую косоворотку. С вытертыми джинсами косоворотка смотрелась эклектично, как деликатно выразился Сотник. Серьга в ухе, стянутые в хвост волосы и отрешенно-мечтательное выражение лица остались прежними.

— Друзья! — Савельев раскинул руки-плети и заключил их в неожиданно крепкие для его комплекции объятия. — Рад, что выбрались в нашу глушь! — Он покосился на дом, понизил голос до шепота: — Тоска здесь смертная, кругом одни старики. Скоро сам мхом покроюсь.

— А я все слышал, любезный Дмитрий Олегович. — Кусты, которыми была обсажена дорожка, вдруг затрещали, являя миру литератора Борейшу.

Литератор окинул их снисходительно-насмешливым взглядом, в котором отчетливо читалось: «Эх, молодежь, молодежь!»

— Так разве же я про вас, Вениамин Петро-

вич?! — Застигнутый врасплох Савельев, кажется, нисколько не смутился. — Ваше появление здесь для меня как свет в оконце. С кем бы еще я поговорил о насущном, о наболевшем! Кому, как не писателю, понять томление моей души!

— Горазды вы, Дмитрий Олегович, сиропствовать. Что ни слово, то бальзам на старишковскую душу, — Борейша усмехнулся, погрозил Савельеву пальцем. — Ладно уж, не стану принимать вашу давешнюю сентенцию про замшелых стариков на свой счет и Власу Палычу не скажу, — он хитро прищурился.

— Вы нам лучше расскажите, Вениамин Петрович, кого в кустах караулили? — улыбнулся Савельев.

— А кого мне караулить? — Борейша пожал плечами. — Шел себе кратчайшей дорогой от своего дома к этому, — он кивнул на особняк Яриго, а потом пояснил ничего не понимающим Сотнику и Моргану: — Дома наши с Власом Палычем хоть и соседствуют, но вот незадача — выходят на разные улицы. А это, знаете ли, не слишком удобно. Чтобы попасть к соседу, нужно пройти почти километр.

— И как же вы решили эту проблему? — заинтересовался Морган.

— Проблема решается банально, дырой в заборе, — опередил Борейшу Савельев. — Осталась еще с прежних времен. Влас Палыч хотел заложить, а потом передумал. Вот Вениамин Петрович и шастает туда-сюда.

— Так уж прямо и шастаю! — Борейша смахнул с брюк прилипшие к ним былинки. — Про-

никаю на территорию с ведома и добровольного согласия хозяина. А вы, Дима, мне просто завидуете, потому как с вашей стороны такой заповедной дыры в заборе нет, и вам приходится ходить через парадный вход, как просто-му обывателю. Никакой романтики! Никакого полета души!

Неизвестно, сколько бы еще они вот так препирались, если бы на дорожке не появились новые действующие лица: статная дама неопределенного возраста в сопровождении спортивного вида молодого человека.

— Агата Генриховна Литте изволили пожаловать, — понизив голос, сообщил Борейша. — Вдова генерала Литте. Но упаси вас боже обратиться к ней по отчеству. Только Агата! Видите, какая мадам? Выглядит немногим старше собственного сына. Генетика... — Он многозначительно улыбнулся.

— Помилуйте, какая генетика! — отмахнулся Савельев. — Пластическая хирургия — вот залог красоты и вечной молодости нашей прекрасной вдовы. — Было в его тоне что-то едкое и злое, намекающее на непростые отношения с генеральшей.

— Агата! — Борейша взглянул на него с мимолетным укором, помахал рукой.

Прекрасная вдова чуть замедлила шаг, а потом ее красивое, напрочь лишенное признаков возраста лицо расцветила улыбка. Парень тоже улыбнулся, но скорее вежливо, чем приветливо.

— Вениамин Петрович, дорогой мой! Рада

снова вас видеть! — Агата царственным жестом протянула ручку для лобзания. На среднем пальце хищно блеснул крупный рубин. — Как продвигается работа над новой книгой? Не теряю надежды дождаться ее завершения и прочесть наконец, что же такое вы придумали на сей раз. Обожаю детективы! — Она приветливо улыбнулась сначала Моргану, потом Сотнику, оставив без внимания профессора русской словесности.

— Здравствуйте, богиня! — Сотник, тот еще сердцеед и дамский угодник, не сводил с вдовы восхищенного взгляда.

— Позвольте представить! Стас Морганский и Алексей Сотник! — Видимо, в отсутствие Яриго Борейша взял на себя обязанности хозяина дома. — Гости Власа Палыча и, если я правильно понял, его деловые партнеры. А это прекрасная Агата, — он послал генеральше воздушный поцелуй. — В сопровождении сына Глеба. — Молодой человек чуть иронично усмехнулся, пожал протянутые руки.

— Узнаю Власа, — Агата поправила сползшую с загорелых плеч пашмину. — Он любит окружать себя молодежью. Это так по-европейски.

— Приятно, что хоть кто-то записал меня в молодежь. — Борейша бросил быстрый взгляд на Савельева. — А то некоторые не видят больше моей молодецкой удали.

— Некоторые, дорогой мой Вениамин Петрович, глупы и недальновидны, — сказала Агата с так диссонирующей с ее прежней приветливостью холодностью.

Почувствовав нарастающее напряжение, Борейша нарочито громко хлопнул в ладоши:

— Ну что же! Цвет сегодняшнего вечера, я имею в виду вас, о прекрасная Агата, здесь, а посему предлагаю пройти в сад, пригубить чего-нибудь охлаждающего в ожидании хозяина.

— А где же Влас? — в бархатном голосе Агаты послышалось едва различимое недовольство.

— Велел извиниться и целовать пальчики, обещал скоро быть. — Борейша посмотрел на часы. — Без четверти восемь, ждать осталось недолго.

Так, перебрасываясь вежливыми и ничего не значащими фразами, они прошли в сад. Этот сад тоже был яблоневым, но, в отличие от своего дикого собрата, казался нарядным и радостным. Стол был накрыт посреди изумрудно-зеленого газона. В сторонке стоял столик с напитками и закусками. К нему и увлек Борейша, деловито и очень сноровисто разливая по бокалам французское шампанское. Но отведать шампанского они не успели: со стороны дома вдруг послышались громкие голоса.

— А вот и Влас Палыч собственной персоной, — сообщил Борейша. — И, надо думать, не один, а с Яковом Семеновичем.

— Хлебников, глава местного сельсовета, — шепотом пояснил Савельев. — Тот еще жук. Все у него вот тут, — он сжал кулак, — весь Правый берег.

Голоса, зычные, азартные, тем временем становились все громче, и через пару секунд

на лужайку вышли двое весьма колоритных мужчин. Первый, крепкий, дородный, с широкими плечами и густой, хоть и совершенно седой шевелюрой, был одет в дорогой костюм, сидящий на нем с той элегантно-небрежностью, которая выдает руку высококлассного портного. Верхняя пуговица сорочки была расстегнута, а узел галстука ослаблен. Левой рукой мужчина опирался на трость, а правой активно жестикулировал, споря о чем-то со своим визави, невысоким лысым мужиком с вислыми казацкими усами. Одет мужик был по-совдеповски незатейливо: в черные брюки, сильно запылившиеся снизу, и белую рубашку с короткими рукавами. Рубашка была изрядно мятой, расходилась на упитанном пузе, норвила выбиться из-под потертого ремня. Под мышкой он держал потрепанный кожаный портфель, который то и дело поправлял свободной рукой.

— ...А я, Влас Палыч, продолжаю утверждать, что эти ваши доильные роботы русскому человеку без надобности. Где это видано, чтобы коров роботы доили?!

— В Голландии, дорогой мой Яков Семенович, — возражал седовласый, в котором Морган и Сотник сразу признали Яриго. — В Голландии коров доят именно роботы. Сканируют буренок, проводят химический анализ молока, а при необходимости даже помещают в карантин.

— А цена? — Хлебников хлопнул себя ладо-

нюю по лысине. — Да не окупятся ваши роботы ни в жизнь!

— Посмотрим, — сказал Яриго успокаивающим тоном и тут же улыбнулся замершим в ожидании гостям: — Друзья, простите великодушно за опоздание! Дела, будь они неладны! — он покаянно покачал головой. — Но готов искупить. Приложу к этому все усилия.

— Да вы и не опоздали вовсе, Влас. — Улыбка Агаты сделалась ослепительной, пашмина, словно невзначай, соскользнула с точеных плеч. — Но мы уже начали скучать, — добавила она как-то по-особенному интимно.

— Преступление! — Яриго порывисто шагнул ей навстречу, склонился в поцелуе над протянутой ручкой. — Такая прелестная дама не должна скучать. Агата, вы божественны!

— А вы, как обычно, весьма галантны. — Агата хотела было еще что-то добавить, но Яриго уже переключился на других гостей: пожал руку Глебу, по-свойски кивнул Савельеву и Борейше, а потом всем корпусом развернулся к ним с Сотником.

— До чего же приятно видеть в бизнесе молодых и хватких! — Его холеное загорелое лицо расплылось в радушной улыбке. — Всегда говорил и не устану повторять: будущее за молодыми, а мы, старые зубры, если хотим удержаться на плаву, должны брать с них пример. Приветствую, ребята! — Его рукопожатие было по-медвежьи сильным, как будто таким образом он проверял их на крепость. Наверное, первый тест они прошли, потому что Яриго

удовлетворенно кивнул, по-отечески похлопал каждого из них по плечу и тут же отмахнулся от благодарственной речи Сотника:

— Не нужно, Алексей! У нас тут все домашнему. Узкий круг, все свои. Без официоза и никому не нужного пафоса. Сегодня отдыхаем и веселимся, отринув все заботы. Считайте это моей стариковской блажью. А вот завтра, — он окинул их с Сотником испытующим взглядом, — а вот завтра вам предстоит увидеть мою темную сторону.

— Влас, разве же у вас есть темная сторона? — спросила Агата очень серьезно, без доли женского кокетства.

— У каждого человека есть темная сторона, моя прекрасная Агата. Человеческая душа — это бездонный колодец. Никогда не узнать ни меры ее добродетели, ни меры ее подлости.

— Что-то вас на философию потянуло, Влас Палыч, — усмехнулся Хлебников. — Уж не с голодухи ли? — Он обвел страждущим взглядом накрытый стол. — Не пора ли нам наконец отдать должное таланту вашей Валентины?

Прежде чем ответить, Яриго на секунду задумался.

— Не хватает еще одной нимфы, — сказал с улыбкой.

— А эту нимфу вечно приходится догонять и ловить, — усмехнулся в усы Хлебников. — Такая вся деловая, фу-ты ну-ты! Особенно после вашего подарочка.

— Так это же не персонально ей подарочек, а всему коллективу.

— Ой, не смешите меня, Влас Палыч! Там того коллектива — три калеки. Марьяна одна за всех пашет.

— Вот потому, что одна за всех, я и принял такое решение. Участок у нее большой, пешком не находишься, — Яриго развел руками.

Морган с Сотником переглянулись. Вот, значит, какую нимфу ожидает хозяин вечеринки. Вот, значит, откуда у нее мотоцикл. Миллионер и меценат благодетельствовал.

— А форма одежды у нее теперь какая из-за этого вашего подарочка? — продолжал бубнить Хлебников. — Я так понимаю, медичка должна быть как на картинке: халатик беленький, шапочка накрахмаленная, туфельки-чулочки. А Марьяна наша что? А Марьяна наша как панка: джинсы, куртка, боты на тракторном ходу. Бандит с большой дороги, а не доктор.

— А вот тут, Яков Семенович, я с вами не соглашусь. — Яриго смотрел поверх головы Хлебникова на дорожку, и улыбка у него сделалась что у того Чеширского кота. — Не всегда боты на тракторном ходу. Отнюдь...

Морган обернулся, уже зная, кого увидит.

По дорожке стремительным шагом, ловко балансируя на высоких каблуках, шла их давешняя знакомая, Марьяна Васильевна. И одета она была вовсе не в джинсы, а в элегантное коктейльное платье. И хвост свой распустила, и веснушки запудрила, а губы, наоборот, накрасила. Пожалуй, доведись им встретиться при других обстоятельствах, Морган не преминул бы за ней приударить, но в памяти еще был

свеж недавний инцидент, и должного впечатления эта сельская красotka на него не произвела.

— Добрый вечер! — Марьяна помахала рукой, приветствуя сразу всю честную компанию. — Извините за опоздание.

Как успел заметить Морган, на ее появление все отреагировали по-разному. Глеб, до этого расслабленно-ленивый, подобрался, как тигр перед прыжком. Даже во взгляде его появилось что-то звериное. Его маменька появление еще одной нимфы проигнорировала. Оно и понятно: две нимфы на одной вечеринке — это уже явный дисбаланс. Савельев дружески улыбался, а Борейша смотрел на гостью с приветливым любопытством. И только Хлебников продолжал хмурить кустистые брови, но было очевидно, что неудовольствие его напускное, скорее для проформы и остратки.

— Прошу прощения, — Марьяна тем временем ступила на лужайку. — Попросила Ивана подвезти, а у него, как назло, «уазик» заглох на въезде в поселок. Пришлось дальше пешком...

Ишь, цаца какая! Пешком ей, видите ли, пришлось добираться. А не нужно было каблучки такие надевать!

Не то чтобы Морган злился, скорее так... злорадствовал. Кстати, интересно, кто такой этот Иван, у которого сломался «уазик»?

— Иван Полевкин, местный участковый, — Савельев словно прочел его мысли. — Славный, в общем-то, малый, но из этих... букво-

едов. Очень педантичный. Я бы даже сказал, раздражающе педантичный.

— Это вы, Марьяна Васильевна, так деликатно намекаете, что Ивану пора менять транспортное средство? — усмехнулся Яриго, обнимая докторшу за плечи.

— Это я так деликатно намекаю, — Марьяна стрельнула взглядом в Хлебникова, — что дороги на Правом берегу такие, что даже «УАЗы» ломаются.

— Дороги! — простонал Хлебников. — А бюджет у меня, между прочим, не резиновый! Где я грошей наберусь на все ваши «хочу» и «надо»?! В детском саду вон крыша течет, а в школе мыши пол съели. Вот это проблемы почище ваших дорог. Я по ним, между прочим, тоже езжу, и ничего, жив, как видите! Дороги... — он еще раз раздраженно хмыкнул, поправил свой портфель.

— Господа, давайте не будем о грустном! — вмешался в разговор Борейша. — Давайте же наконец воздадим должное кулинарному гению нашей прекрасной Валентины.

— А и то верно! Прошу к столу, господа! — Яриго обвел лужайку широким жестом.

Рассаживались долго. Моргану показалось, что почти каждый из гостей норовил оказаться поближе к хозяину. В итоге по правую руку Яриго уселся Хлебников, по левую — Агата. Глеб занял место рядом с матерью. Борейша пристроился возле Хлебникова, а Савельев, Марьяна и они с Сотником оказались на противоположном конце стола.

Позабыв о недавней размолвке, как истинный джентльмен, Морган придвинул Марьяне стул. Она вежливо кивнула в ответ, скользнула удивленным взглядом по забинтованной руке.

— Еще кого-то пытались научить Правилам дорожного движения? — спросила она не без ехидства.

— Поцарапался. — Он отвернулся, открепясь от дальнейших расспросов.

Ему повезло, Марьяна оказалась не из любопытных, потеряв к нему всякий интерес, она принялась за ужин. Аппетит у нее, надо сказать, был отменный. В отличие от Агаты, которая вяло жевала листик салата, Марьяна нажимала на мясо, чем вызвала явное одобрение Сотника, который терпеть не мог помешанных на диетах и фитнесе девиц.

— Любо-дорого посмотреть, — сказал он, с благостной улыбкой наблюдая, как девица разделяется со вторым по счету бифштексом.

— Вы об этом? — Марьяна поймала его взгляд, легонько постучала ножом по краю тарелки. — С утра во рту маковой росинки не было, даже кофе попить не успела.

— Вы такой трудоголик? — вежливо поинтересовался Морган.

— Я не трудоголик, я единственный на всю округу врач. И рабочий день у меня, к сожалению, ненормированный. Бывает, с утра до вечера просидишь в амбулатории, поплеывая в потолок, а бывает, и не присядешь до ночи.

На его, в общем-то, ехидный вопрос она отвечала так серьезно и так обстоятельно, что

сразу стало понятно: работа для нее — святое. И Моргану в который уже раз за этот день стало неловко.

А разговоры за столом тем временем крутились вокруг местных проблем. Беседовали все больше Яриго и Хлебников, остальные слушали, кто внимательно, кто не очень. Морган старался не упустить ни одного сказанного слова. В неформальной беседе всегда можно узнать для себя что-нибудь полезное. Тем более что после спора о голландских роботах Яриго с Хлебниковым переключились на разговор о строительстве животноводческого комплекса. Чуть позже, после четвертого или пятого бокала виски, речь зашла о менее интересных объектах, и Морган позволил себе слегка расслабиться.

— А что там у нас с новым зданием под больницу? — Яриго, сытый и слегка захмелевший, вальяжно откинулся на спинку стула.

— Отделочные работы идут полным ходом. — Хлебников нацепил на вилку маринованный огурчик, полюбовался им секунду-другую и сунул в рот. — Строители работают не покладая рук.

— Строители работают не покладая рук на даче у Тарпищева. — Марьяна, которая до этого не вмешивалась в разговор старших, отложила вилку, с вызовом посмотрела на переставшего жевать Хлебникова. — Я заезжаю в новое здание каждый день, там только видимость работы. До обеда строители режутся в карты, а после обеда едут халтурить на Левый берег.